
УДК 81'44:37.016

ББК 81.002.1

У 68

Уракова Ф.К.

Доктор педагогических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой русского языка и методики преподавания Адыгейского государственного университета, e-mail: sessvetla@mail.ru

Берсиров Б.М.

Доктор филологических наук, профессор, директор Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, e-mail: sessvetla@mail.ru

Сопоставительная характеристика лексико-грамматических единиц русского и адыгейского языков

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются вопросы сопоставительно-типологического описания лексико-грамматических единиц русского и адыгейского языков. Показано, что затруднения в овладении лексикой русского языка связаны с межъязыковой лексической интерференцией, вызываемой существенными расхождениями в лексической системе русского и адыгейского языков. Отмечается, что сопоставляемые языки на грамматическом уровне различаются не только отсутствием определенных грамматических категорий, но и характером выражения и функционирования в речи одинаковых категорий частей речи.

Ключевые слова:

Сопоставительно-типологическое описание, лексический уровень, морфологический уровень.

Urakova F.K.

Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Acting Head of Department of Russian Language and Technique of Teaching, Adyghe State University, e-mail: sessvetla@mail.ru

Bersirov B. M.

Doctor of Philology, Professor, Director of Adyghe Republican Institute of Humanitarian Researches named after T. Kerashev, e-mail: sessvetla@mail.ru

Comparative characteristic of lexical and grammatical units of the Russian and Adyghean languages

Abstract:

The paper discusses the questions of the comparative and typological description of lexical and grammatical units of the Russian and Adyghean languages. The difficulties in mastering Russian lexicon are related to the interlingual lexical interference caused by essential divergences in lexical system of the Russian and Adyghean languages. The authors show that the compared languages differ at grammatical level not only in absence of certain grammatical categories, but also in nature of expression and functioning in speech of identical categories of parts of speech.

Keywords:

Comparative and typological description, lexical level, morphological level.

Идеи сравнительного и сопоставительного описания родного (адыгейского) и русского языков находят отражение в трудах отечественных ученых (В.Д. Аракина, Б.М. Берсирова, З.У. Блягоза, Е.И. Пассова, И.В. Рахманова, М.Х. Шапацевой, Л.В. Щербы и других).

Лексический уровень русского и адыгейского языков характеризуется наличием совпадающих и различающихся признаков, которые могут быть присущи одному или двум из сопоставляемых языков. Так, общим для лексической системы двух сопоставляемых языков является наличие в них:

- 1) однозначных и многозначных слов;
- 2) слов с совпадающим объемом значения;
- 3) слов-синонимов, синонимических рядов слов;
- 4) слов-антонимов;
- 5) исконных и заимствованных слов;
- 6) историзмов, архаизмов, неологизмов;
- 7) слов со свободным, фразеологически связанным и синтаксически обусловленным значением;
- 8) терминологической лексики;
- 9) деления слов на семантические группы;
- 10) стилистической дифференциации слов;
- 11) фразеологизмов, близких по значению и структуре;
- 12) совпадения лексической сочетаемости определенного пласта слов.

При изучении сложной лексической системы русского языка учащиеся-адыгейцы затрудняются в употреблении многозначных слов, слов синонимического ряда, антонимов, фразеологических единиц, которыми богат русский язык. Большие затруднения в овладении лексикой русского языка также связаны с

межъязыковой лексической интерференцией, вызываемой существенными расхождениями в лексической системе русского и адыгейского языков. Различия в лексической системе сопоставляемых языков выражаются:

1) в несоответствии семантической структуры слов в русском и адыгейском языках: русские слова «тонкий» и «жидкий» в адыгейском языке передаются одним словом «*nlyaklэ*»; слова «вкусный» и «сладкий» – словом «*lэшlу*»; слова «живет» и «сидит» – словом «*щыс*»; «жарить» и «печь» – словом «*гъэжъэн*» и т.п.;

2) часто отсутствует аналогия в синонимических рядах слов контактирующих языков, в оттенках значений, передаваемых словами соответствующих синонимических рядов. В адыгейском языке нередки случаи, когда целому синонимическому ряду русского языка соответствует одно слово: синонимическому ряду «*большой, крупный, великий, громадный*» в адыгейском языке соответствует слово «*ины*»; синонимическому ряду «*главный, основной, первостепенный, центральный*» – слово «*апшъэрэ*». В результате такого различия членов синонимических рядов в русском и адыгейском языках учащиеся образуют сочетания, не свойственные русскому языку: «*вкусный чай*», «*сладкий суп*», «*сердитая собака*»;

3) в сопоставляемых языках наблюдаются существенные расхождения в лексической сочетаемости слов, что выражается в совпадении только одного из компонентов сочетаний, выражающих идентичные значения. Так, в сочетаниях «*солнце село*» и «*тыгъэр къохъагъ*» совпадает компонент «*солнце*» (*тыгъэ*), «*къохъагъ*» означает «*скрылось за что-то*», и используется вместо слова «*тысыгъэ*»; «*обочина дороги*» и «*гъогу напц*» – совпадает компонент «*дорога*» (*гъогу*), а вместо слова «*обочина*» используется

слово «*напцэ*» (*бровь*);

4) нередко русские словосочетания в русском языке передаются одним словом. Так, словосочетание «*мой старший брат*» на адыгейском – «*сиынахьыжъ*»; «*Новый год*» - «*илъэсык1*»; «*вчера вечером*» - «*тыгъопчыхъ*»; «*три брата*» – «*зэшищ*»;

5) в каждом из сопоставляемых языков встречаются устойчивые сочетания, не имеющие аналогий в другом или других языках: в русском «*попасть впросак*», «*во всю ивановскую*», «*заговаривать зубы*»; в адыгейском языке – «*еджагъ, ау ещэжъыгъэп*», «*кукуум игъыбзэ къырещэхы*» [1: 258 - 262].

Морфологический уровень сопоставляемых языков связан как с установлением общей классификации частей речи, со сходствами и различиями системы частей речи, так и с их категориальными признаками. В типологическом аспекте существенными признаются следующие критерии выделения частей речи:

1) семантический критерий – отношение слова к широкой понятийной категории;

2) морфологический критерий – наличие материально выраженных морфологических категорий;

3) синтаксический критерий – функция данного слова в предложении;

4) критерий сочетаемости – способность слов данной части речи сочетаться со словами других частей речи;

5) словообразовательный критерий – способность слов данной части речи к образованию новых слов по определенному типу [2: 103].

Система частей речи в сопоставляемых языках в основном совпадает. Однако, несмотря на близость общей классификации частей речи, в сопоставляемых языках наблюдаются существенные различия внутри частей речи, что выражается, прежде всего, в расхождении в составе граммати-

ческих категорий и средств их выражения в данных языках. Так, если сопоставить грамматические категории имени существительного, прилагательного и глагола в данных языках, можно заключить, что они существенно различаются. В русском имя существительное характеризуется наличием трех грамматических категорий:

1) категории грамматического рода, представленной в формах трех родов – мужского, женского, среднего;

2) категории падежа, выраженной парадигмой склонения, состоящей из шести падежей;

3) категории числа, состоящей из форм двух чисел – единственного и множественного.

В адыгейском языке отсутствует грамматическая категория рода, но как и в русском языке, в адыгейском языке имеет место выражение полового различия среди существительных, обозначающих человека и животных, лексическими средствами: *ты – ны* (отец – мать), *тыжъ – ныжъ* (дедушка – бабушка), *к1алэ – пшъашъэ* (парень – девушка), *атакъэ – чэты* (петух – курица), *т1ы – мэлы* (баран – овца), *ачъэ – пчэны* (козел – коза). В адыгейском языке у существительных, обозначающих животных, половые различия могут выражаться словами (формантами) - *хъу* (самец) и - *бзы* (самка): *хъэхъу* (собака – самец), *хъэбзы* (собака – самка), *чэтыуухъу* (кошка – самец), *чэтыубз* (кошка – самка), *шк1эхъу* (теленок – самец), *шк1эбзы* (теленок – самка), а также - *анэ* и - *хъу*: *тхъачэтанэ* (индейка – самка), *тхъачэтыхъу* (индейка – самец), *къазанэ* (гусь – самка), *къазыхъу* (гусь – самец) [3: 25].

Категория падежа представлена парадигмой склонения, состоящей из четырех падежей: Именительного, Эргативного, Творительного, Превратительного (по терминологии Г.В. Рогава и З.И. Керашевой). Каждый из четырех падежей адыгейского языка имеет определен-

ную флексию, которая присоединяется к основе любого склоняющегося имени. В адыгейском языке, в отличие от русского языка, в котором сложная система склонения, связанная с категорией рода, имена существительные склоняются по двум формам – грамматически определенной и грамматически неопределенной.

Ед. число
И. лагъэ-р
Эрг. лагъэ-м
Тв. лагъэ-м-к1э
Пр. лагъэ-у

В неопределенном склонении имена существительные в форме единственного числа в именительном и эргативном падежах имеют нулевое окончание, представляя чистую основу существительного, а творительный и превратительный падежи оформляются флексиями -к1э и -у //-эу: И. *цыгъын* (одежда), Эрг. *цыгъын*, Тв. *цыгъын-к1э*, Пр. *цыгъын-эу*.

Категория числа представлена формами единственного и множественного числа, но наблюдаются существенные различия в способах выражения форм множественного числа в русском и адыгейском языках. Категория множественного числа в адыгейском языке образуется при помощи одного аффикса - хэ, который сохраняется во всех падежах (Им. *к1алэ-хэ-р*; Эрг. *к1алэ-хэ-м*, *к1алэ-хэ-мэ*; Тв. *к1алэ-хэ-м-к1э*; Пр. *к1алэ-хэ-у*), а в русском языке для выражения данной категории используются разнообразные флексии -и, -ья, -а, ы и др. (*встреча – встречи, сон- сны, город – города, брат – братья*). Кроме этого, некоторые существительные имеют свою специфику в образовании формы множественного числа:

1) существительные мужского рода с суффиксом единичности -ин в форме множественного числа утрачивают этот суффикс: *гражданин – граждане, крестьянин – крестьяне*;

2) существительные-названия детенышей с суффиксом -онок, -енок в форме мно-

В определенном склонении имена существительные оформляются следующими падежными флексиями: именительный -р, эргативный -м, творительный -м-к1э, превратительный -у //-эу. Во множественном числе перед падежным окончанием появляется показатель множественного числа -хэ.

Мн. число
И. лагъэ-хэ-р
Эрг. лагъэ-хэ-м
Тв. лагъэ-хэ-м-к1э
Пр. лагъэ-хэ-у

жественного числа присоединяют суффикс -ят (-ат) и флексию -а: *козленок – козлята, теленок – телята, орленок – орлята*;

3) существительные небо и чудо во множественном числе присоединяют суффикс -ес: *небо – небеса, чудо – чудеса*;

4) у некоторых существительных форма множественного числа образуется от другой основы (супплетивным способом): *человек – люди, ребенок – дети*.

Кроме существительных, обладающих формами обоих чисел, в русском языке довольно распространены существительные, имеющие форму одного числа – единственного или множественного. В адыгейском языке подавляющее большинство существительных имеют коррелятивные формы единственного и множественного числа: *унэ – унэ-хэ-р* (дом – дома), *гъогу – гъогу-хэ-р* (дорога – дороги). Лишь небольшая группа существительных употребляется в форме единственного числа: вещественные существительные – *цыгъу* (соль), *цэ* (молоко), *тхъу* (масло), *цатэ* (сметана); некоторые отвлеченные существительные – *цы1эныгъ* (жизнь), *ш1ульэгъуныгъ* (любовь), *ц1ыфыгъ* (человечность); слова, называющие небесные светила – *тыгъэ* (солнце), *мазэ* (луна, месяц), *уашъо* (небо)); слова, называющие стороны света – *къыблэ* (юг), *темыр* (север), *тыгъэкъок1ып1* (восток), *тыгъэкъохъап1* (запад), собственные имена – *Мыкъуа-*

нэ (Майкоп), *Хы Шлуц* (Черное море). Существительные, употребляющиеся только в форме множественного числа, в адыгейском языке весьма малочисленны. К ним относятся слова, в семантике которых содержится указание на множественность (аффикс -хэ). Эти существительные обычно содержат префикс совместности -зэ: *зэ-шы-хэ-р* «братья», *зэ-ныбджэгъу-хэ-р* «друзья», *зэ-гъунэгъу-хэ-р* «соседи», *зэ-лэгъу-хэ-р* «сверстники». Они указывают на взаимные отношения людей, что исключает возможность их употребления в форме единственного числа [3: 76].

В русском языке имя прилагательное характеризуется наличием согласования с существительным в роде, числе, падеже и категорией степени качества. В отличие от русского языка, в адыгейском языке прилагательное не согласуется с существительным в числе и падеже (категории рода нет). В словесном комплексе «прилагательное + существительное» (*чырбыц ун* «кирпичный дом») или «существительное + прилагательное» (*унэ лъаг* «дом высокий») флексия падежа присоединяется к последнему слову, образуя единообразный словесный комплекс: *чырбыц унэр, чырбыц унэм, но унэ лъагэр, унэ лъагэм* (Н.Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф).

Порядковые числительные, которые, как и прилагательные, в русском языке согласуются с определенным словом в роде, числе и падеже, в адыгейском языке в сочетаниях модели «порядковое числительное + существительное» числительные имеют постоянную исходную форму, а показатели числа и падежа присоединяются к существительному.

Притяжательные, определительные и неопределённые местоимения, которые в русском языке соединяются с определяемым словом по способу согласования, в родном языке не находят аналогии. Притяжательным местоимениям русского языка в родном языке соответствуют притяжательные превербы, присоединяющиеся к определяемому существительному

(*си-ун* – «мой дом», *ти-хэгъэгъу* – «наша родина»). Всем неопределённым местоимениям русского языка в адыгейском языке соответствует местоимение *горэ*, которое обычно располагается после имени и присоединяет к себе показатель числа и падежа (*унэ горэ* «дом какой-то», *унэ горэ-м, унэ горэ-хэ-м*) [3: 83].

В сопоставляемых языках глагол является самой сложной и емкой грамматической категорией. В обоих языках глагол – знаменательная часть речи, которая выражает действие или состояние как процесс (*читать* «еджэн», *бежать* «чъэн», *думать* «гупшысэн», *говорить* «гуцы-лэн», *спать* «чъыен» и т.д.)

В русском языке значение действия глагола выражается грамматическими категориями лица, времени, наклонения, вида, залога. Все глаголы русского языка по своим грамматическим признакам делятся на переходные и непереходные, возвратные и невозвратные. Многие из названных грамматических категорий глагола в адыгейском языке отсутствуют или отличаются от русского языка в своем морфологическом выражении. Из приведенных категорий русского глагола в адыгейском языке имеются категории времени, наклонения, лица и числа с существенными различиями в их выражении в сопоставляемых языках; переходность/непереходность, возвратность/невозвратность.

В адыгейском языке не различаются залого. Глагольные формы, выражающие совершенный и несовершенный вид, включаются в систему спряжения.

В отличие от русского языка, глагол в адыгейском языке характеризуется наличием:

1) грамматических категорий каузатива, версии, союзности, совместности, взаимности, потенциалиса, произвольности;

2) деление глаголов по морфологическим признакам на динамические и статистические;

3) высокой степени полисинтетизма – и при помощи падежных флексий [5].
[4]. Типологическое сопоставление русского и адыгейского языков является надежной базой для прогнозирования типичных ошибок в речи учащихся, позволяет наметить стратегию предупреждения и преодоления интерферирующего влияния родного языка, способствует более рациональной организации языкового материала в целях повышения качества обучения устной и письменной речи учащихся.

Сопоставляемые языки на грамматическом уровне различаются не только отсутствием определенных грамматических категорий, но и характером выражения и функционирования в речи одинаковых категорий частей речи. В обоих языках имеется категория определенности и неопределенности. В каждом из сопоставляемых языков эта категория выражается аналитическим способом – при помощи лексических средств, в адыгейском языке

Примечания:

1. Уракова Ф.К. Использование языковых единиц разного уровня в построении текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 85. С. 258-262.
2. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л.: Просвещение, 1989. 254 с.
3. Шхапацева М.Х. Сопоставительная грамматика русского и адыгейского языков. Майкоп, 2005. 328 с.
4. Берсиров Б.М. Глагольные основы в адыгских языках: структурно-историческая характеристика. Майкоп, 2001. 302 с.
5. Берсиров Б. Лингвистические методы формирования нравственности в процессе коммуникативной практики // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 1. С. 140-144.

References:

1. Urakova F.K. The use of language units of different levels in text building // News of the Russian State Teachers' Training University of A.I. Gertsen. 2008. No. 85. P. 258-262.
2. Arakin V.D. Comparative typology of the English and Russian languages. L.: Prosveshchenie, 1989. 254 pp.
3. Shkhapatseva M.Kh. Comparative Grammar of the Russian and Adyghe languages. Maikop, 2005. 328 pp.
4. Bersirov B.M. Verb stems in the Adyghe languages: structural and historical characteristic. Maikop, 2001. 302 pp.
5. Bersirov B. Linguistic methods of morality formation in the process of communicative practice // The Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and the Arts. 2012. Issue 1. P. 140-144.